

"АПОЛЛОН И ДИОНИС" (О Ницше)

Источник - В. Вересаев. "Живая жизнь", М., Изд-во политической лит-ры, 1991

OCR и вычитка - Александр Продан

alexpro@enteh.com

I

"РОЖДЕНИЕ ТРАГЕДИИ"

В книге своей "О рождении трагедии" молодой Ницше воскресил из греческой старины колоссальные образы двух главных эллинских божеств -- Аполлона и Диониса. Образы эти удивительно ярко и полно воплощают два полярно противоположных жизнеощущения, которыми живет человечество и которые непрестанно борются друг с другом на протяжении всей его истории. Вот почему книга, написанная, казалось бы, на такую узкую, только для специалистов интересную тему -- "О рождении эллинской трагедии из духа музыки", -- стала книгой, которую должен знать всякий образованный человек.

Восстановим в общих чертах образы двух этих эллинских божеств, как их понимал Ницше.

Грек ранней стадии эллинской истории, грек гомеровский, воспринимал жизнь по-аполлоновски: он смотрел на блестящий мир явлений, на то, что индусы называют обманчивым покрывалом Маии, и принимал его за подлинную жизнь. Мир этот он мыслил во множественности, в формах времени и пространств, -- в том, что Шопенгауэр называет *principium individuationis*. "В этой форме, -- говорит Шопенгауэр, -- человек видит не существо вещей, которое едино, а только его проявления, -- особенные, отдельные, бесчисленные, многообразные, даже противоположные". Человека с таким жизнеотношением Ницше, вслед за Шопенгауэром, уподобляет пловцу среди бурно ревущего моря. Беспредельное море, бушующая и воя, вздымает и опускает водяные горы, а пловец спокойно сидит в лодке, доверяясь утлону своему суденышку, не чувствуя ужаса от бушующей кругом беспредельности. Так посреди мира мучений спокойно живет в своей отдельности человек, доверчиво опираясь на *principium individuationis*, на восприятие жизни в формах времени и пространства: безграничный мир, всюду исполненный страдания, в бесконечном прошлом, в бесконечном будущем, ему чужд, даже кажется ему фантазией; действительно для него только одно -- узкое настоящее, ближайшие цели, замкнутые горизонты.

В этой иллюзии держит человека Аполлон. Он -- бог "обманчивого" реального мира. Околдованный чарами солнечного бога, человек видит в жизни радость, гармонию, красоту, не чувствует окружающих бездн и ужасов. Страдание индивидуума Аполлон побеждает светозарным прославлением *вечности явления*. Скорбь *вылывается* из черт природы. Охваченный аполлоновскою иллюзией, человек слеп к скорби и страданию вселенной.

И вот в это царство душевной гармонии и светлой жизнерадостности вдруг врывается новый, неведомый гомеровскому человеку бог -- варварский, дикий Дионис. Буйным иступлением зажигает он уравновешенные души и во главе неистовствующих, экстатических толп совершает свое победное шествие по всей Греции.

Бог страдающий, вечно растерзываемый и вечно воскресающий, Дионис символизирует "истинную" сущность жизни. Жизнь есть проявление божества страдающего. Создавая миры, божество освобождается от гнета избытка и преизбытка, от страдания теснящихся в нем контрастов. Вселенная есть вечно изменяющееся, вечно новое видение этого величайшего страдальца, исполненного контрастов и противоречий. Истинно существует только это первоединое, изначальное, наджизненное бытие; оно -- вне всякого явления и до всякого явления. Явление же есть только уподобление (знаменитый Гётевский стих: "Все преходящее -- только подобье").

Взор, однажды проникший в сокровенную "истину" жизни, уже не в состоянии тешиться обманчивым покрывалом Маии, блеском и радостью призрачного реального мира. Он теперь видит ужасы и скорби жизни, видит мир раздробленным, растерзанным; видит и первопричину мирового страдания -- *principium in dividuationis*, расчленение первоначального, единого Существа на отъединенные, несогласимые между собою "явления". В пределах прежнего непонимания для человека нет уже возможности согласить чудовищные противоречия жизни, покрыть их каким-либо единством. Смысл жизни теряется. Однажды царю Мидасу, после больших усилий, удалось поймать в лесу мудрого Силена,